

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

**Александр
ТАМОНИКОВ**



ЯНТАРНАЯ КАМЕРА



Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Янтарная камера / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Президентский спецназ: новый Афган).

ISBN 978-5-699-95509-1

На территории сопредельного с Россией государства идет необъявленная война с бандформированиями экстремистов. В бандитские силовые структуры под видом работника штаба тайно внедрен майор ГРУ Алексей Кузнецов. Но предатель выдает разведчика врагу. Алексей попадает в засаду и оказывается в концлагере, контингент которого работает на местную янтарную мафию. Сбежать из лагеря, как утверждает охрана, невозможно. Но вот только у опытного майора спецназа другое мнение на этот счет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95509-1

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Суматоха в аэропорту «Северный», расположенном в поселке Калашовка, началась под вечер 20 октября, после бурного, но непродолжительного ливня. После дождичка в четверг, как впоследствии пошутил один из участников событий. Кудлатая туча, отбомбившись, поплыла на юго-восток, к Донецку. По прямой до столицы республики было семьдесят верст. В воздухе осталась липкая изморось. Потоки воды хлестали по водоотводным канавам.

На посадку заходил старенький Ан-24 с грузом продовольствия и медикаментов. В этот момент диверсанты и взорвали участок взлетно-посадочной полосы в трехстах метрах от художной диспетчерской башни. Грохнуло мощно, бетон разлетелся далеко и красиво.

Заряд был заложен еще до дождя, подорван с пульта ДУ. Но время диверсанты точно не рассчитали. Им не хватило опыта и выдержки.

— Посадку запрещаю, у нас диверсия! — взволнованно выводил диспетчер.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Самолет снизился до упора, но шасси еще не коснулись полосы. Пилот машинально потянул рычаг на себя, и взрыв расцвел у него под носом. Самолет резко взмыл, качая крыльями, как бы приветствуя весь этот вселенский бардак.

— Башня, где садиться? Что у вас происходит? — испуганно заорал второй пилот, молодой парень, еще не привыкший к таким кульбитам.

Но его вопросы определенно имели смысл. Горючее-то кончалось!

— Следуйте в Нахимов, там летное поле, дотянете! — успел дать дельный совет диспетчер, и его речь оборвалась.

Второй взрыв прогремел через двадцать секунд после первого. Кумулятивная граната, выпущенная из РПГ-7, ударила в здание. Башня замолчала, черный дым повалил из выбитых окон.

В двухэтажном здании аэропорта ударили еще два взрыва, и диверсанты в серых комбинезонах пошли на штурм. Их было не меньше дюжины, и намерения они имели самые решительные. Боевики вырастали из травы, бежали к строениям аэропорта, к взорванной вышке. Несколько человек бросились в приземистый ангар. Они швыряли гранаты в окна, поливали все, что видели, огнем из РПК.

Подобной дерзости от украинских военных никто не ожидал. До линии разграничения было шестьдесят километров.

Аэропорт выполнял сугубо гражданские функции. Военный аэродром располагался в Нахимове, гораздо южнее, и охранялся соответственно. Сюда доставлялись грузы для населения тридцатитысячного промышленного городка, гуманитарная помощь, изредка садились чартерные рейсы с пассажирами. Ан-24, чудом избежавший катастрофы, был единственным бортом на сегодня.

Водитель грузовой фуры забрался на подножку своей машины, распахнул дверцу и повалился с раскрытым черепом. Несколько человек, включая смену грузчиков, успели выскочить через заднюю дверь и кинулись в поле, благодаря чему и уцелели.

Им повезло, диверсанты действовали жестко, живых не оставляли. Целый день они шли по приграничным лесам, тащили на себе оружие, взрывчатку, попали под дождь, были злы и взвинчены.

В аэропорту творилось что-то адское. А ведь люди тут успели позабыть, что такое война. Гремели взрывы, металась фигуры в серых комбинезонах.

Еще одно прямое попадание в диспетчерскую вышку подкосило хлипкое сооружение, оно стало оседать. Полыхал ангар, в котором стояли неисправные кукурузники. Горели грузовики на аэродромном поле, густо чадил автозаправщик.

Разъяренные диверсанты ворвались в здание, носились по помещениям, забрасывали их гра-

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

натами. Зал прилета заволокло прогорклым дымом. Взрывались газовые баллоны, завезенные для отопления помещений.

Охранники, вооруженные пистолетами, успели дать по паре выстрелов. Потом их нащиповали пулями. Те, кто замешкался, пытались спастись бегством. Двум это удалось, остальных расстреляли во дворе из окон.

Крепкий диверсант со щеточкой рыжих усов с хохотом вытаскивал за ногу из-под рухнувшей стойки работницу аэропорта. Женщина средних лет умирала от страха, кричала от боли. У нее были сломаны ребра. Она умоляла не стрелять. Двое детей, муж погиб на войне, с трудом, по большому знакомству устроилась на эту работу...

— Жри, сучка московская! — заявил рыжеусый тип, разряжая в нее магазин.

Потом он бросил гранату в проем с лентой конвейера, с удовольствием обозрел развороченный рольганг, побежал дальше, наводить конституционный порядок на временно оккупированной территории.

За несколько минут здание аэровокзала превратилось в руины. Таким оно и было полтора года назад. Горела наспех приклеенная облицовка, распространяя удушливый смрад. Плавился и осыпался потолок, падали балки перекрытий. Частично уцелело только южное крыло здания. Там ремонт еще не проводился, оно не использовалось.

Диверсанты безупречно справились с задачей, уничтожили важный транспортный объект на территории, занятой противником.

В эфире прозвучал приказ:

— Валим, хлопцы, все сделано!

Минировать было нечего, да и незачем — все горело. Диверсанты покидали разгромленный объект, запинаясь о тела и разрушенные конструкции. Пострадавших среди них не было.

Командир РДГ, подтянутый белобрысый офицер, едва разменявший третий десяток, самодовольно докладывал по станции спутниковой связи:

— Задание выполнено, уходим.

Лесной массив тянулся западнее аэропорта на многие километры, в нем можно было спрятать целую дивизию. Но диверсанты домой не вернулись.

В Калашовке располагался штаб бригады специального назначения Министерства обороны ДНР. Ее полгода назад отвели от границы, рассредоточили по окрестным селам. Две роты и охрана стояли в Калашовке.

Сигнал поступил оперативно, с борта едва не разбившегося Ан-24. Второй пилот орал так, что дрожало все Северное полушарие.

Два грузовика с ополченцами оказались на опушке через десять минут. Ровно столько им потребовалось, чтобы примчаться из Пырино. В это время диверсанты еще орудовали на объекте. Бойцы рассредоточивались.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Из Калашовки прибыл микроавтобус с бойцами комендантского взвода. Их было человек девять. Они разбежались, заняли позиции на восточных подступах к полю, ждали указаний.

Отходящих диверсантов встретил прицельный огонь со стороны леса. Трое упали замертво, остальные залегли, стали отползать, изрыгая свинец и проклятья в адрес ненавистных сепаратистов. Белобрысый командир что-то яростно выкрикивал в рацию. Его подчиненные пятились, вели ожесточенный огонь. Попытки прорваться в других направлениях тоже успеха не возымели.

— Слава Украине! — орали диверсанты, попавшие в ловушку. — Смерть врагам! Сдохните, твари!

Их командир, невзирая на молодость, имел боевой опыт. Он собрал подчиненных в ударный кулак в районе искореженного кукурузника. Диверсанты пошли на прорыв, швыряя гранаты. Они возникали из клубов густого дыма, страшные, орущие, в перепачканных комбинезонах, бежали, катились кубарем, снова вскакивали.

Группа состояла из отъявленных фанатиков, самых настоящих, непримиримых украинцев, свято верящих в свое превосходство и ничтожность врага. Парни не учли то обстоятельство, что против них работает спецназ. Простое оцепление они пробили и расшвыряли бы. Но не этих людей.

Грузовик стоял на примыкающей дороге, развернувшись задним бортом. С него разразился судорожным лаем крупнокалиберный пулемет. Трех порвало в клочья и разбросало. Остальные стали беспорядочно отступать, искали спасение в дыму.

Командир уцелел. У него хватило ума не корчить из себя героя.

Он кричал, срывая голос:

— Все назад, в здание! Занять круговую оборону!

Вопрос со сдачей в плен как-то не рассматривался. Да и правильно, кто бы стал их брать?

Диверсанты занимали оборону в западном крыле. Оно почти не горело, и туда еще не добрался удушающий дым. Уцелели семеро. Они вбежали в здание, рассредоточились по этажам.

Ополченцы замкнули кольцо вокруг летного поля, сужали его. Грузовики подбирались все ближе. Пулеметчики крушили оконные проемы, разбивали кладку, мешали диверсантам вести огонь. Гранаты к РПГ у них иссякли, осталось стрелковое оружие. Но ополченцы не спешили в атаку, сообразили, что потери ни к чему.

Ми-8 вынырнул из-за тучи, камнем кинулся вниз, но не разбился. Пилот был опытный, хотя и любитель быстрой езды. Вертолет резко замедлился, покачался и приземлился.

Группа спецназовцев в количестве пяти человек высадилась из него за несколько секунд.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Экипировка у них была не полной, но достаточной для ведения боя. Шлемы, бронежилеты, теплое защитное облачение. Вооружение штатное. У каждого АКС с пятью запасными магазинами, гранаты, нож, пистолет.

Помог случай. Группа под командованием капитана Алексея Корнилова, заместителя начальника охраны штаба бригады, возвращалась из Рубцовки, куда сопровождала ценный груз. В командировке оружие не пригодилось, зато сейчас оказалось кстати.

Сигнал о ЧП в аэропорту они получили, когда проходили границу двух непризнанных республик. Голос начальника штаба бригады подполковника Былинского дрожал от волнения.

— Мы немедленно летим туда, товарищ подполковник, — отозвался Корнилов. — Без нас никакого штурма, оцепить и ждать. Разберемся на месте. Сообщите капитану Невельскому, чтобы его люди не вздумали по нам стрелять.

Капитан приказал пилоту менять курс.

К моменту высадки спецназа на месте боя стояло затишье. Дым немного развеялся, руины аэропорта предстали во всей красе.

Капитан Корнилов — мрачноватый, осанистый, с правильными чертами лица, отметивший на днях собственное тридцатипятилетие — отдавал лаконичные приказы осипшим голосом. Надо же простыть в неподходящее время. Хорошо, что кашель уже не рвал на части.

— Жлобин, Колесник — слева! Гаспарян, Мережко — справа! Под пули не лезть!

Осажденное здание находилось за длинным барачным строением, бывшими аэродромными складами. В эфире уже что-то бубнил капитан Невельский, бойцы которого лежали в оцеплении.

— Капитан, это Корнилов, — перебил его Алексей. — Давайте зеленый свет. Отводи своих бойцов. Кратко сообщи обстановку. Сколько гадов в здании, вооружение, настроение, есть ли заложники?

Он впитывал информацию в движении, следя за парнями. Гадов семеро, насчет заложников и настроения неизвестно. Боеприпасы у поганцев на исходе, поскольку переводили они их весьма расточительно.

Люди Невельского безропотно отползали, открывали дорогу крутым специалистам.

Кто-то пошучивал:

— Давай, братва. Мы половину дела за вас сделали.

Пустырь перед складами был завален строительным хламом, металлоломом. Ремонтники не вывезли его и правильно сделали.

— Хватит, мужики, тормозим, — буркнул в микрофон Корнилов. — Лежите, не высывайтесь.

— Командир, да тут еще семь трамвайных остановок, — вяло запротестовал молодой черноволосый Рудик Гаспарян.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

— Лежать, я сказал. Ждать.

Корнилов служил в бригаде меньше месяца, попал в нее после отпуска по ранению. Но он быстро влился в коллектив, стал своим. Капитан подобрал себе группу, назначил любимчиков и бросал их на самую ответственную работу, которой руководил лично.

Сейчас они зарывались в мусор. Алексей лежал за углом складского комплекса, подтянув к себе автомат. Ему не в диковинку было любоваться пейзажем через прорезь прицела.

Справа за штабелями пустых коробок вил себе гнездышко Гаспарян. Парень тоже недавно в части. Этот балагур, острый на язык, с обязанностями своими вполне справлялся, хотя и любил обсуждать приказы вышестоящего начальства.

Позади Гаспаряна, за горой металлолома возлежал Жлобин. Он из местных, бывший мент, имеющий принципиальные разногласия с киевской хунтой. Жилистый, прямодушный, катастрофически облысевший в свои тридцать восемь.

Из осажденного здания простучала автоматная очередь, сорвала огрызок брезента со штабелей. Парни проигнорировали ее. Молодцы.

Он покосился влево. Бородатый Колесник перетирал челюстями, похожими на акулы, жевательную резинку, боролся с зевотой. Сонливость сразила его еще в вертолете.

Невысокий Мережко с удобством поместился за остовом догорающей фуры. Ветер дул в противоположную сторону. Наличие под боком мертвого работника аэропорта бойца не смущало. Насмотрелся за годы противостояния.

Южное крыло — фактически отдельное здание — сохранилось довольно неплохо. Разбитые проемы, дыры в стенах, но могло быть и хуже. Некоторые окна дымили, но огонь там сильно не разгорался.

Временами в проемах что-то мелькало, раздражались вспышки. Перемещения спецназа не остались незамеченными, но полного понимания ситуации у диверсантов не было. Иногда из здания доносилась ругань, там что-то падало.

«Настроение у них не приподнятое», — констатировал Алексей.

Он всматривался в очертания окон, плавающие в разреженном дыму. План здания не требовался, все было знакомо.

Две недели назад поступил сигнал о минировании аэропорта. Спецназ с саперами обшаривали его вдоль и поперек. Взрывчатку не нашли, но кругозор расширили.

— И что все это значит, командир? — прозвучал в ухе капитана потрескивающий голос Жлобина.

— Суки! — выругался Мережко. — Они там человек десять поубивали, не меньше. И все штатские. Странно как-то, Алексей. Они напа-